

Особенности изучения властного статуса занятого населения России.

Научный руководитель – Тихонова Наталья Евгеньевна

Коленникова Нина Дмитриевна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия
E-mail: kolennikova-nina@mail.ru

В различных теоретических стратификационных моделях социальный статус включает в себя несколько измерений и для каждой модели зачастую отдельное измерение является ключевым, задающим общий порядок распределения доступа к благам и ресурсам. Так, например, для традиционных обществ основаниями для неравенства выступают чаще всего религия, этничность или ранг во властной иерархии. Для современных же обществ в качестве основных дифференцирующих факторов чаще выступают размеры собственности и доходов, род занятий, квалификация и доступ к власти. Стоит отметить, что и в первом и во втором случае одним из ключевых факторов деления общества на классы, группы или страты является власть и доступ к ней. Так, властный статус, т.е. способность и возможность определять и контролировать деятельность других людей за счет различных средств (авторитета, права, насилия и др.), зачастую определял положение человека и в других статусных измерениях, то есть выступал в качестве основного стратифицирующего признака. При этом властный ресурс всегда был дефицитным.

Властное измерение представляет особый интерес для нашего исследования, так как все чаще в информационных обществах отмечается сосуществование и переплетение нескольких, если и не равнозначных, то относительно автономных систем неравенства (или иерархий): власти, собственности, образования, престижа. Тем не менее, операционализация и эмпирические замеры именно властного статуса часто вызывают затруднения. Так, место индивида во властной иерархии может быть измерено количеством людей, находящихся у человека в подчинении - по крайней мере, если говорить о власти в ее административной ипостаси. Однако этот показатель во многом условен, поскольку не отражает истинного масштаба влияния индивида на окружение и не учитывает неформальные отношения сторон. Поэтому стоит помнить, что рассмотрение властного измерения только с позиции административного ресурса не позволяет в полной мере оценивать существующую властно - стратификационную иерархию.

Другие же характеристики властного статуса являются еще более трудно замеряемыми. Тем не менее, позиции индивида в системе властных отношений выступают важнейшим признаком дифференциации людей по стратификационной шкале. Так, согласно ряду исследований, в российской реальности именно властный статус зачастую определяет уровень жизни и благосостояния, а также общий социальный статус, особенно учитывая особую роль этакратической стратификационной системы в нашем обществе. В часто используемой при исследованиях статуса индивидов в социальном пространстве концепции П. Бурдьё понятия власти и капитала тоже очень близки, поскольку через «накопленный труд» индивид присваивает и «социальную энергию», т.е. два типа статусных позиций - экономический и властный статусы - также тесно взаимосвязаны. Так или иначе, властный ресурс выступает важнейшим основанием социального неравенства.

В то же время, по мнению ряда экспертов, у большинства россиян данный ресурс ограничен или просто отсутствует - по крайней мере, если говорить о месте индивида в социуме, а не в микросоциумах (семья, друзья, товарищи по работе или учебе и т.п.).

Это позволило нам высказать две основные гипотезы нашего исследования: во-первых, предположение о том, что властный статус будет в большей степени определять экономический статус индивида, чем экономический статус будет влиять на его место во властной иерархии. Во-вторых, если говорить о массовых слоях населения, то в современном российском обществе место во властной статусной иерархии в большей степени связано с должностными позициями индивидов или же их полномочиями в случае занятости в сфере государственной службы, чем властно-политическим ресурсом или неформальным авторитетом в масштабах общества в целом или в крупных региональных сообществах.

В качестве эмпирической базы были использованы данные 24-й волны ежегодного опроса РМЭЗ - НИУ ВШЭ, на материалах которой мы предприняли попытку проверить эти гипотезы, которые отчасти подтвердились. При этом в силу ограниченных возможностей инструментария в основу анализа властного статуса нами был заложен показатель административной власти, операционализируемый с помощью таких индикаторов как наличие подчиненных, количество подчиненных, а также того, является ли индивид владельцем или совладельцем организации, или предприятия, на котором он работает.

Так, за наличие у респондента подчиненных респонденту присваивался 1 балл. Следующий показатель - количество подчиненных подразумевал отнесение респондента в одну из выделенных нами групп: от 0 до 5 подчиненных - 0 баллов, от 6 до 10 - 1 балл, от 11 до 20 - 2 балла, от 21 и более - 3 балла. За то, что респондент являлся владельцем или совладельцем предприятия, на котором он работает, присваивался дополнительный балл. На основе перечисленных индикаторов была построена шкала для замера властного статуса индивида (от 0 до 5 баллов), что позволило зафиксировать текущее состояние властного статуса индивидов, а также оценить связь властного статуса индивидов и их экономического статуса в части дохода.

Источники и литература

- 1) Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. редактор перевода Н.А.Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С.20.
- 2) Вебер М. Класс, статус, партия // Социальная стратификация: Сб. ст. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. Вып.1. С.19-38.
- 3) Радаев В.В., Шкаратан О.И. «Социальная стратификация», М.: Аспект-Пресс, 1996. 318с.
- 4) Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.
- 5) Grusky, D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In D. Grusky (ed.) Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Westview Press.